

Гурзуф. Художник К.А. Коровин. 1914.

УДК (130.1/.2: 303.446.2)(477.75)

Сараф М.Я.

Крым: новая страница региональной культурологии

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств
E-mail: ssaraf@yandex.ru

Успешность процесса вхождения Крыма в состав Российской Федерации определилась тем, что большинство его населения свою национально-гражданскую идентификацию соотносило с Россией. Крым всегда и был органической частью национального культурного пространства России. В настоящее время главная опасность для его единства – это дискредитация русской культуры во всех аспектах и формах ее существования. Данная статья посвящена имеющимся у Крыма принципиальной важности предпосылкам для противодействия этой угрозе, а также вопросам развития культуры Крыма, которые представляют не только особую актуальность, но и особый интерес для современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: национальное культурное пространство, локальное культурное пространство, национальная идентификация, центрация культурного пространства, воссоединение Крыма с Россией.

В сине-белесом небе солнце косматым шаром
Золотом спелого хлеба степь заливают жаром.
И среди рыжей степи я – еще более рыжий,
Ветер рубашку треплет, жаркою сухостью лижет.

К дальним степным курганам, к синей полоске гор,
В запахах степи пряных петляет дороги узор.
В белую пыль дороги детство впечатало след,
Ватага друзей босоногих и старенький велосипед.

Эта лирическая вольность, может быть, позволит читателю ощутить не только академический интерес автора – уроженца Крыма к поднимаемой проблеме...

Возвращение Крыма в состав Российской Федерации помимо того, что представляет событие важнейшего со-

циально-политического значения, есть еще новый культурологический факт, содержание которого будет стремительно разворачиваться и требовать своего осмысления в условиях опережения теории самой непосредственной практикой от области определения культурной политики до изменений в образе жизни населения республики.

Эти предварительные наброски есть попытка очертить круг первоочередных проблем, которые встанут, точнее, уже встанут перед отечественной социально-философской и культурологической мыслью.

Особенность и успех процесса «репатриации» Крыма, который, я полагаю, войдет в учебники по социальным и культурным технологиям, – в его стремительности. Впервые за несколько десятилетий мы увидели как наличие твердой политической воли и организационной мобилизованности, опирающихся на массовую и действенно-активную поддержку населения, оказалось способными выдержать историческую занозу, которая на протяжении шестидесяти лет ныла и воспалялась.

Но успех определился и тем, что большинство населения Крыма свою национально-гражданскую идентификацию соотносило с Россией. И потому оказаться «дома» было делом естественным и не требовало какой-либо длительной, тем более, болезненной перестройки национального самосознания. Кстати, в полемике о легитимности процесса то и дело обращаются к известному принципу права наций на самоопределение. Я к нему отношусь несколько критически, полагая, что прежде надо решать вопрос о том, является ли нацией претендующая на самоопределение общность. Однако этого никто не делает, и под «нацией» заявляет себя обретшая силу сепаратистская этноконфессиональная, а зачастую и националистическая экстремистская группировка. А вот вопрос о национально-культурных автономиях приобретает и новую актуальность, и новое содержание.

В случае же с Крымом первый из них вообще не имеет существенного значения, поскольку одна часть нации, в силу недалековидных волонтеристских капризов оказалась искусственно отделенной. Может быть в условиях СССР, обладавшего общим национальным культурным ядром, эта отделенность как-то переносилась, но в суверенной Украине, все больше и больше сползающей к этноцентризму с антирусской направленностью она стала нетерпимой. Я здесь имею в виду даже не политическую сторону дела, а культурологическую: Крым все это время ощущал себя составной частью единого национального культурного пространства России. Его центростремительные тенденции были очевидны, а относительно слабые центробежные имели не менее очевидную внешнюю подпитку и давали весьма чахлые всходы на крымской почве. Искусственная украинизация объективно делала Крым культурной периферией с подавляемыми идентификационными механизмами и ограничениями социокультурных перспектив.

Второй же вопрос требует внимания. Значит ли, что в культурологическом отношении Крым был чужд Украине? Ни в малой мере. Пространство от Харькова и Донбасса до Мелитополя – это общая с Крымом южнорусская ментальность, общая языковая мелодика, общий образ жизни и совершенное отсутствие какой-либо дистанцированности между русскими и украинцами, разве что одни «кацапы», а другие «хохлы», но за этим не стояло ровно никакого отчуждения. Как и в случае между москвичами и рязанцами, которые «косопузы», или между москвичами и тверичами, которые и вовсе, не к ночи сказать, «козлы».

И как бы ни развивались события в дальнейшем – этот культурный мост будет существовать. Конечно, его можно сильно ослабить и даже местами порушить. Современные политтехнологии позволяют подобные операции и более масштабные, вплоть до дробления на фракции значительных исторических общностей. Как показывает С.Г. Кара-Мурза, в их арсенале разработаны средства и для «демонтажа» народа. Для этого разрушаются связи, делающие население народом и подрывается культурное национальное ядро. Основное заключается в навязывании ценностных ориентаций альтернативных предшествующему общественному устройству и, главное, лишаящих смысла жизненный опыт старших поколений. Тем самым создаются условия для деформации представлений о легитимности государственной власти, которая опрокидывается специально подготовленными активными группами¹.

Но социальная материя, даже распадаясь, где-то в своих глубинных структурах сохраняет историческую память, которая рано или поздно проявляется возрождением (хотите – с маленькой буквы, хотите – с большой). Опасность, однако, осложняется тем, что разрыв культурного пространства усугубляется возможным разрывом пространства географического. Не зря социальные мыслители сопрягали особенности русской культуры и русской духовности с бескрайностью российских пространств. В исторической перспективе и, надеюсь в близкой, культурная связь Крыма с Украиной необходимо будет восстанавливаться.

Но укрепление и развитие национально-культурной автономии (в данном случае лучше говорить об этнокультурной автономии) имеет для Крыма особое значение – уж больно драматична судьба местных этнических общностей. Депортации, чистки, ограничения коснулись не только крымских татар, но и многих, куда меньших по сравнению с ними коренных этнических групп, имеющих хазарские корни, а также греков, болгар, немцев, веками проживавших в Таврии и сохранявших свою этническую идентичность. Многообразие культурного узора – отличительная черта Крыма, и она может дать импульс многим культурным процессам.

И нахождение Крыма в составе Российской Федерации с ее в принципе направленной на сотрудничество национальной политикой создает важные предпосылки и условия их успешности. Почему-то нынешние критики «агрессора-России» не обращают внимания (ну, разумеется, и не захотят обратить) на то обстоятельство, что в отличие от многих мест (в том числе европейских) с выраженным сепаратистским движением и с самопровозглашенными суверенитетами, из Крыма не выдавливаются никакие группы населения ни по этническому, ни по конфессиональным признакам, и нет потока беженцев. Это говорит о прочности культурно-пространства этого региона России.

Таким образом, один из центральных культурологических вопросов является вопрос об укреплении единого национального культурного пространства, противодействие попыткам его ослабления и разрыва.

Главная опасность различается без труда – это дискредитация русской культуры во всех аспектах и

¹ Кара-Мурза С.Г. Сборка народа как условие восстановления державы // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 162.

формах ее существования, будь то вопросы о зарождении и истории Руси и России, будь то вопросы о русском языке, который у особо оголтелых, конечно же, ужасный и варварский, будь то вопрос о русской воинской доблести, которая, оказывается, есть не более как тупая покорность холопа, будь то вопрос о «москале», который, на поверку, опаснее «жида». О сюжетах и приемах подобной культурологической пропагандистской войны следует писать особо. И нужно разрабатывать методы опережающего противодействия.

Разрыв культурного пространства в настоящее время проводится комплексно. Можно указать основные направления атак.

Во-первых, размывание, деструктурирование высшей теоретической сферы национального самосознания. Действенным инструментом здесь служит скепсис относительно идеалов и норм современного гуманитарного научного знания, запуск различного рода совместных или спонсируемых культурно-исследовательских программ, инструментарий которых предлагается и не подлежит критике, различного рода школы и семинары, привлекающие актуальностью тематики, известными именами приглашенных преподавателей, а, главное, бесплатностью участия для «развивающихся».

Во-вторых, дискредитация национального характера и образа жизни. Это распространение скепсиса относительно застойности, традиционализма, «азиатчины», извечного стремления к архаичности, общинности, патриархальности и пониженной индивидуальной инициативой и, предопределенностью неудач. Вспомним знаменитые сетования: «хотели как лучше, а получилось как всегда», «что бы русские ни делали, получается автомат Калашникова». И ведь остроумно, и точно, и ложится на разум и сердце, порождая душевную тоску и ощущение своей недотепистости. Где уж нам до англичанина с его машиной или немца с железным винтом, волатильностью и кредитным процентом. Ох, Николай Васильевич, соблазнили Вы нас своей тройкой.

В-третьих, дискредитация индивидуального сознания, представлений о ценностях, о достоинстве, о самоуважении. В этом отношении проект образов «совка» и «нового русского» надо признать классикой жанра в деле «демонтажа» народа. Совковый народ съезжился и устыдился своей ущербности, став «охлосом», а «элиты», определенные внешним управлением к новому социальному творчеству, стали осознавать себя в качестве народа (естественно, «демоса») и действовать под его именем, представляя групповые своекорыстные интересы как общенациональные. Пространство культуры, поскольку это всегда пространство жизненных смыслов, деформировалось настолько, что едва не утратило способность к самовоспроизводству.

В-четвертых, разрушение сферы сложившегося социального общения и культивирование новых форм самоидентификации: культивирование замкнутых субкультур, так называемых злит, кланов, корпоративов, оживление исторических трупов сословий с их родовым жеманством и опереточной серьезностью разыгрываемых ролей. Ослабление культурной среды малых городов и сел и вымывание народной инициативы, форм социального, художественного, интеллектуального творчества.

В отношении Крыма речь менее всего идет о его интеграции в единое российское культурное пространство, но вот вопрос о механизмах его функционирования как части этого пространства становится наиболее актуальным. Потому что именно здесь передний край структурной модернизации: приведение в соответствие воспитательных и образовательных программ, планирование социокультурного развития, формирование смысложизненных ориентаций. Если для стремящихся в Евросоюз стран одной из наиболее притягательных перспектив является возможность свободного передвижения и трудоустройства на европейском пространстве, то для населения Крыма куда важнее обустройство жизни в самой республике.

Отсюда следует *второй важнейший комплекс культурологической проблематики: самоорганизация регионального культурного пространства*. В этом отношении чрезвычайный интерес представляет высказанная руководством Крыма идея о его превращении в новый Гонконг. Здесь я имею в виду отнюдь не экономическую сторону дела: Крым не океанский порт, и возможные масштабы черноморских коммуникаций далеки от тихоокеанских. Но Гонконг как культурологический феномен может многому научить, хотя он осмыслен весьма слабо. И, прежде всего, здесь интересен именно опыт самоорганизации, выступающий как региональная центрация.

Культурное пространство образуется и уплотняется вокруг центров, где актуализируются важнейшие смыслы. Позиции и интересы находящихся в этом центре наиболее защищены и, следовательно, он выступает наивысшей ценностью. Периферия же определяется тем, что она осваивает содержание, идущее от центра. Когда же употребляется понятие региона, то подчеркивается не столько периферийность географического положения, сколько особенность, самобытность способа и образа социального бытия определенной части нации. Таким образом, культурное пространство иерархизировано соотношением общенационального центра (или ядра) и регионального. В разных конкретных условиях это соотношение весьма различно и по содержанию и по интенсивности. В случае с Крымом, именно в силу особенности сложившихся обстоятельств, процесс региональной центрации приобретает главную задачу. И она состоит в том, чтобы сделать республику наиболее комфортным поприщем реализации жизненных смыслов ее населения и наиболее привлекательным образцом социальной организации.

Поэтому, на мой взгляд, параллельно с развитием собственной экономики, должны интенсивно развиваться процессы превращения Крыма в регион опережающего культурного строительства общенационального масштаба: научно-образовательные центры, центры художественного творчества, фестивали, авангардные культурные проекты и программы. Это и была бы гонконгизация Крыма. У России уже есть некоторый положительный опыт в этом направлении – успех олимпийского проекта в Сочи.

У Крыма же есть принципиальной важности предпосылки для опережающего развития.

Во-первых, его население характеризуется самой высоким качеством локальной, или территориальной идентичности, выступающей как идентификация человека с местным сообществом с чувством причастности к событиям на территории непосредственного проживания и установкой к активной социально-преобразовательной деятельности¹. Наверное, не все социальные группы составляющего Крым населения в

¹ См. Миронова Е.В., Улько Е.В., Зинев С.Н. Локальная идентификация и готовность субъектов к социально-преобразовательной активности //Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссий-

равной мере соответствуют такой мере идентичности. Однако это вопрос сложного, но иного плана – налаживания и регулирования социально-экономической и социально-организационной структур. Вероятно, для Крыма весьма актуальным было бы создание центра региональной конфликтологии в качестве научно-методологической базы анализа и выработки рекомендаций для решения возникающих в этом плане проблем.

Во-вторых, весьма редкое в нынешнем мире состояние неотчужденности населения от региональной власти. Более того – тесное сотрудничество органов власти и общественных организаций и движений. *Можно даже сказать, что Крым решил вопрос о национальной идее*, которая всегда есть не что иное, как образ необходимого общего дела для формирования потребного будущего. В этом его историческое преимущество, которое ни в коем случае нельзя утратить. Очень важно, что центральные органы власти России хорошо понимают это обстоятельство и в конкретных своих решениях и действиях осуществляют его поддержку. В выступлениях Президента России неоднократно подчеркивалась необходимость внимательного отношения к соблюдению антикоррупционных и антибюрократических мер при организации работы региональных властных органов. Есть еще один, может быть, наиболее существенный момент в этой области – соблюдение демократического принципа гласности. Но не той гласности, которую так называемая перестройка преподносила в качестве безбрежной болтовни, а в качестве ее истинной сущности – гласности решений, то есть их открытости, их проверяемости, и их контроля со стороны источника легитимности – народа. Культуротворчество требует, прежде всего, условий правовой культуры.

Вполне возможно, что социокультурное планирование развития Крыма приведет к появлению здесь культурных инноваций, то есть таких артефактов, которые вызывают перестройку всей системы культуры, меняют ее направленность и динамику, открывают новые жизненносмысловые перспективы и возможности. Вектор культурной инновации Крыма как качественно определенной перспективной ценности-цели естественным образом соотносится с ценностными установками целостного российского общества¹.

В любом случае осуществление опережающего развития есть показатель высокой жизнеспособности системы. Правда, из его формальной, пусть и очень громкой декларации ничего не получается, кроме растраты ресурсов и последующей деградации, что неоднократно показывала и мировая история, и наша недавняя отечественная. Но в Крыму эта идея, подчеркнем еще раз, рождена не кабинетной инициативой, желающей быть отмеченной администрацией, не усилиями высокопоставленных интеллектуалов, предлагающих теоретическую модель, сконструированную на научных конференциях, не эмоциональным нетерпением авангардистских групп. Это есть то самое подлинное творение истории народными массами, в котором как бы уже и начали сомневаться. Народными, потому что только общий интерес, направленный на собственное воспроизводство делает из населения народ.

В заключение хочу заметить, что социокультурная реальность Крыма, конечно, много сложнее той схемы, что представлена здесь. Нужно отдать дань уважения гражданскому и социальному мужеству тех людей (депутатов, служащих, добровольцев, помощников) которые проявили высокую волю и ответственность, взяв на себя решение сложнейшей исторической задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С.Г. Сборка народа как условие восстановления державы. //Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 162–167.
2. Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: Коллективная монография / Р.Г. Абдулатипов, А.Г. Бусыгин, И.Д. Кобзон и др. М.: Издательский дом МГУКИ, 2011.
3. Миронова Е.В., Улько Е.В., Зинев С.Н. Локальная идентификация и готовность субъектов к социально-преобразовательной активности // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 737–744.
4. Bobick M.S. "Separatism Redux: Crimea, Transnistria, and Eurasia's de Facto States." *Anthropology Today* 30.3 (2014): 3–8.
5. Braithwaite R. "Russia, Ukraine and the West." *The RUSI Journal* 159.2 (2014): 62–65.
6. Eisenstadt S.N. "Cultural Traditions and Political Dynamics: The Origins and Modes of Ideological Politics. Hobhouse Memorial Lecture." *British Journal of Sociology* (1981): 155–181.
7. Korostelina K. "The Multiethnic State-Building Dilemma: National and Ethnic Minorities' Identities in the Crimea." *National Identities* 5.2 (2003): 141–159.
8. Korostelina K. "The Impact of National Identity on Conflict Behavior: Comparative Analysis of Two Ethnic Minorities in Crimea." *International journal of comparative sociology* 45.3–4 (2004): 213–230.
9. Kuzio T. "Borders, Symbolism and Nation-State Building: Ukraine and Russia." *Geopolitics* 2.2 (1997): 36–56.
10. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. *The Semiotics of Russian Culture*. Ed. A. Shukman. Ann Arbor: University of Michigan, 1984.
11. Merridale C. "The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia." *Journal of Contemporary History* 35.1 (2000): 39–55.
12. Pirie P.S. "National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine." *Europe-Asia Studies* 48.7 (1996): 1079–1104.
13. Plokhy S. "The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology." *Journal of Contemporary History* 35.3 (2000): 369–383.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сараф, М. Я. Крым: новая страница региональной культурологии / М.Я. Сараф // Пространство и Время. — 2014. — № 2(16). — С. 147—150. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st2-16.2014.61

ской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 738, 742.

¹ Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: Коллективная монография / Р.Г. Абдулатипов, А.Г. Бусыгин, И.Д. Кобзон и др. М.: Издательский дом МГУКИ, 2011. С. 97.